

А
В. Г. Короленко

"Гражданская казнь Чернышевского"

(По рассказу очевидца)

Собрание сочинений. Том 5.

Литературно-критические статьи и воспоминания.

Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда", Москва, 1953.

OCR Ловецкая Т.Ю.

В Нижнем-Новгороде в конце прошлого века умер врач А. В. Венский, "человек шестидесятих годов", школьный товарищ П. Д. Боборыкина и даже герой одного из романов этого писателя. Было известно, что он присутствовал в качестве очевидца при "гражданской казни" Чернышевского. В первую годовщину смерти Чернышевского кружок нижегородской интеллигенции решил устроить поминки и рядом сообщений восстановить в памяти младшего поколения этот яркий, значительный и страдальческий образ. Известный земский деятель А. А. Савельев предложил и Венскому сделать сообщение о событии, которого он был очевидцем. В то время собрание в память гонимого писателя не могло, разумеется, состояться вполне "легально", и Венский отказался в нем участвовать. Но он согласился дать письменные ответы на точно поставленные вопросы, которые и были прочитаны на нашем собрании. Листок этот остался у меня, и я восстановил ответы Венского в первом издании моей книжки ("Отошедшие").

Потом, в декабрьской книжке "Русского богатства" (1909 года) была напечатана заметка М. П. Сажина о том же событии. Пользуясь этой последней заметкой, как основанием, и дополняя ее некоторыми чертами из ответов А. В. Венского, -- мы можем теперь восстановить с значительной полнотой этот поистине символический эпизод из истории русской оппозиционной мысли и русской интеллигенции.

Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского происходила, как известно, 19 мая 1864 года.

О времени экзекуции, -- говорит М. П. Сажин, -- "было объявлено в газетах за несколько дней. Я с двумя своими товарищами студентами-технологами в назначенный день рано утром отправился на Конную площадь. Здесь, на середине площади, стоял эшафот -- четырехугольный помост высотой аршина полтора--два от земли, выкрашенный черною краскою. На помосте высился черный столб, и на нем, на высоте приблизительно одной сажени, висела железная цепь. На каждом конце цепи находилось кольцо, настолько большое, что через него свободно могла пройти рука человека, одетого в пальто. Середина этой цепи была надета на крюк, вбитый в столб. Две-три сажени отступя от помоста, стояли в две или три шеренги солдаты с ружьями, образуя сплошное карре с широким выходом против лицевой стороны эшафота. Затем, отступя еще пятнадцать--двадцать сажен от солдат, стояли конные жандармы, довольно редко, а в промежутке между ними и несколько назад -- городовые. Непосредственно за городовыми расположилась публика ряда в четыре--пять, по преимуществу интеллигентная. Я с товарищами стоял на правой стороне площади, если встать лицом к ступеням эшафота. Рядом с нами стояли писатели: С. Максимов, автор известной книги "Год на Севере", Павел Иванович Якушкин, этнограф-народник, и А. Н. Мориговский, сотрудник "Русского слова" и "Дела". Всех троих я знал лично.

Утро было хмурое, пасмурное (шел мелкий дождь). После довольно долгого ожидания появилась карета, въехавшая внутрь карре к эшафоту. В публике произошло легкое движение: думали, что это Н. Г. Чернышевский, но из кареты вышли и поднялись на эшафот два палача. Прошло еще несколько минут. Показалась другая карета, окруженная конными жандармами с офицером впереди. Карета эта также въехала в карре, и вскоре мы увидели, как на эшафот поднялся Н. Г. Чернышевский в пальто с меховым воротником и в круглой шапке. Вслед за ним вззошел на эшафот чиновник в треуголке и в мундире в сопровождении, сколько помнится, двух лиц в штатском платье. Чиновник встал к нам лицом, а Чернышевский повернулся спиной. Над затихшей площадью послышалось чтение приговора. До нас, впрочем, долетали лишь отдельные слова. Когда чтение кончилось, палач взял Н. Г. Чернышевского за плечо, подвел к столбу и просунул его руки в кольцо цепи. Так, сложивши руки на груди, Чернышевский простоял у столба около четверти часа.

В этот промежуток времени около нас разыгрался следующий эпизод: Павел Иванович Якушкин (одетый по своему обыкновению в красной кумачной рубашке, в плисовых шароварах, заправленных в